

АЛЕКСЕЙ БОГАТУРОВ

ПОНЯТИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Феномен мировой политики — один из главных для понимания современного контекста отношений в планетарной системе. Но несмотря на приток зарубежных идей и появление публикаций российских авторов по проблематике мировой политики, ее «самоопределение» как научной дисциплины не завершилось. Устоялся набор сюжетов, которые принято считать относящимися скорее к *мирополитическому*, чем к традиционному *международно-политическому* полю, материал сгруппирован по темам, а сами они собраны в целостность, которая уже позволяет выстраивать связные учебные курсы. «Задан» язык дискурса, который, воздействуя на сознание (а более — на подсознание) читателя/слушателя, подвигает к «интуитивно-либеральному» пониманию мирополитической проблематики. В 2002 г. появилась книга М.М. Лебедевой — первый отечественный учебник мировой политики¹. Все это — несомненные достижения, давшие немалым трудом.

Важно заметить, что становление мировой политики как самостоятельного исследовательского поля характерно для политических исследований преимущественно (если не исключительно) в России. В западных странах мирополитические штудии распылены по разным областям знания, «растеряны» между исследованиями традиционного международно-политического профиля и не претендуют на автономное академическое пространство. В научном сообществе США вообще отсутствует проблема размежевания мировой политики и международных отношений.

Там исследования того и другого направлений сосуществуют нерасчлененно и организационно могут относиться как к международно-политическому, так и общеполитологическому блокам.

Равнодушие американских политологов к «самоопределению» мировой политики отчасти объяснимо их обычной, скажем, иронией к философствованию (в европейском смысле) на темы международных отношений. Но более значимо то, что исследования мировой политики на Западе в содержательно-аналитическом отношении сегодня главным образом нейтральны, тогда как в России мировая политика остается политизированной либеральной сферой знания, в которой многие все еще склонны подозревать «чужеродный злак», пересаженный на российскую почву. Отсюда — и «встречный» защитный пафос самой мировой политики, ее стремление обособиться от исследований международных отношений и выйти на доминирующие организационно-административные позиции.

Как бы то ни было, стихийное самоструктурирование мировой политики как автономной субдисциплины неожиданно оказалось отличительной чертой российской политологии, не характерной для научного процесса в странах Запада. Причудливым образом политология в России через полтора десятилетия после ее конституцирования стала приобретать собственное лицо.

Уже только этого было бы достаточно, чтобы отнестись к мирополитическому подходу серьезно. Но сверх того, он еще и

способен существенно обогатить исследовательский потенциал политологии в России, если разовьется из эмоционально-ценностной в обычную аналитическую концепцию и не станет отгораживаться от традиционных, но и более методологически фундированных отраслей знания — в их числе и историко-политических исследований. Задача статьи — достроить понятие мировой политики на базе анализа методологического соотношения между исследованиями мировой политики, с одной стороны, и международных отношений, с другой.

1

В напряженной политической ситуации в России начала 90-х годов в отечественном политологическом сообществе наметилась «ценностная» оппозиция (в других условиях не возникшая бы) между исследователями мирополитического и международно-политического направлений. В силу обстоятельств первые оказались представленными выходцами из социологической, психологической и в меньшей степени философской школы МГУ им. М.В. Ломоносова. Для них освоение проблематики международных отношений было во многом новаторством. Эту ветвь можно назвать мирополитической, хотя на Западе ее предпочли бы назвать «школой политической социологии», а то и просто «социологическим подходом».

Вторые происходили из разных ответвлений давно сложившегося к 1991 г. сообщества международников — воспитанников историко-политической школы МГИМО МИД РФ, исторического факультета МГУ и (в какой-то степени) исторических факультетов региональных университетов — Томского, Нижегородского, Иркутского и некоторых других.

Первые, во многом начиная «с нуля», не были отягощены традиционными взглядами на анализ международных ситуаций. Их сильной стороной и главным методологическим инструментом было внедрение социологических — в широком смысле — подходов в сферу анализа меж-

дународных отношений. Логично, что внедрялись в основном зарубежные методики, поскольку отечественной школы социологического анализа в точном смысле слова до 1991 г. в России не было.

Вторым новации в известном смысле давались труднее. Историко-политическая школа исследования международных отношений в МГИМО, ИМЭМО РАН, ИСК РАН и других академических институтах (при всех ее слабостях) существовала около полувека, и ее выходцы дорожили аналитико-методологическим наследием, считая часть его пригодным для работы (особенно при известной модернизации) и в новых интеллектуальных и международно-политических условиях².

Первые подозревали вторых в ретроградстве. Вторые первых — в дилетантизме знания о международных отношениях. Смелые попытки П.А. Цыганкова осмыслить эту стихийно возникшую оппозицию в духе характерного для западных политологических сообществ деления исследователей на «либералов» и «реалистов» были не особенно плодотворными³. Оказалось, что часть выходцев из историко-политической школы примкнула к мирополитической (политико-социологической) платформе, а ряд ученых философско-социологического «корня» предпочли анализировать международные отношения с сознательной оглядкой на историко-политические исследования.

Точнее будет сказать, что в среде отечественных международников сформировались «горизонтальный» и «вертикальный» подходы к анализу. «Мирополитики» пытались «схватить» текущий («горизонтальный») срез реальности и осмыслить его в предельно тесной увязке с особенностями текущего внешнеполитического процесса, а «историко-политики» — понять современность «более размашисто», опрокидывая ее сиюминутный анализ «вниз по вертикали истории», на опыт прошлого.

При этом ни те, ни другие всерьез методологией не занимались, поскольку ситуация 90-х годов в России к тому не располагала. Происходило массированное за-

имствование и первичное осмысление-освоение теоретических наработок западных коллег⁴. Шло десятилетие «парадигмы освоения» — невыносимо тяжелое материально и развращающе легкое профессионально. Наука перешла в режим массовой переподготовки и просветительства. Для успеха было достаточно читать зарубежные работы и связно пересказывать их читателю или слушателю.

Надо признать, что этот период принес много пользы. В среду международников были внедрены нужные ей современные теоретические и методологические подходы общей политологии, несопоставимо возросла осведомленность российских ученых о достижениях теории международных отношений на Западе. Стала организационно оформляться политико-социологическая школа международных отношений. Ее основой становились новый факультет политологии МГИМО (У) МИД РФ (И.Г. Тюлин, А.Ю. Мельвиль и единомышленники) и кафедра социологии международных отношений на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (П.А. Цыганков), на которые в регионах успешнее других стала ориентироваться кафедра международных отношений Нижегородского лингвистического университета (А.А. Сергунин). На фоне этих сдвигов и стал обособляться мирополитический подход — более организационно, чем методологически.

В такой ситуации не странно, что для разрешения вопросов теоретического самоопределения в исследованиях мировой политики времени не осталось. При наличии описаний «симптомов-признаков» мировой политики не удалось найти ее рабочего определения как дисциплины. Осталось не вполне ясным, чем должна заниматься эта подотрасль знания, поскольку не были решены вопросы об объекте и предмете ее исследования. Не получилось и методологически корректного размежевания предметных полей «мировой политики» и «международных отношений» — сегодня оно проводится почти исключительно интуитивно.

Отметим, что все эти проблемы не решены и в западных научных сообществах, поскольку там они не имеют того значения, которое в силу разных условий приобрели в России. Тем важнее и интереснее является поиск ответов на канонические вопросы теоретического самоопределения мировой политики. Однако оно невозможно в отсутствие базового определения, выйти на которое в свою очередь нельзя без уяснения общего теоретического контекста поиска.

2

Термин «мировая политика» в западной литературе, как и в русской, встречается давно и до сего дня беспорядочно употреблялся как синоним или почти синоним понятия «международные отношения». Правда, постепенно стали вызревать теоретические предпосылки для изменения такого словоупотребления. «Всемирная демократическая волна» начала 90-х годов поднималась параллельно с разработкой в Вашингтоне доктрины «расширения демократии» (1993), которая предусматривала активное участие США в политических процессах внутри бывших социалистических стран. В отсутствие «железного занавеса» те лишь приветствовали стремление западных стран включиться в управление преобразованиями, не протестуя и не считая происходившее вмешательством в свои внутренние дела. Возник феномен «размягчения суверенитета» на востоке Европы.

В ее западной части развивался внешне похожий, хотя иной по своей природе процесс. Западноевропейские страны тоже тяготели к «преодолению» суверенитета каждой из них, но в рамках ускорившегося процесса интеграции. Параллелизм тенденций в западной и восточной частях Европы производил глубокое впечатление и звал к крупным обобщениям.

Тогда спектр сравнений решили расширить. Внимание было обращено на ситуацию в развивающихся государствах. Тезис о «бесполезности» суверенитета подтвердился и на материале стран

«третьего мира»: многие бывшие колонии в силу экономической и политической слабости продолжали обладать суверенитетом лишь формально («фиктивно»), на деле не имея возможности его отстаивать не только перед более сильными зарубежными государствами, но даже перед крупными многонациональными корпорациями.

Сведенный вместе материал, относящийся к развитию стран Западной Европы, бывшего «социалистического лагеря» и «третьего мира», дал основания для радикального теоретического вывода: «размягчение» суверенитета — общемировой тренд. Работы, развивающие этот тезис, заполнили книжный рынок, продолжая выходить в США, странах Западной Европы и даже Австралии вплоть до второй афганской войны. Среди них были и книги серьезных международников — С. Краснера, Дж. Хобсона, С. Лоусона⁵.

Конечно, концепция размягчения суверенитета имела под собой основания. Но она не была универсальной в той степени, на которую претендовала. Ее авторы закрывали глаза на очевидное: суверенитет США, Китая, Индии, Японии и других «старых» стран оставался прочным, а многие из новых государств (на Балканах, Кавказе и Центральной Азии) предпочитали воевать за утверждение суверенитета, а не мириться с его «отмиранием».

Тем не менее, в 90-х годах гипотеза размягчения суверенитета в политологии возобладала, найдя до комичного пылких сторонников в России⁶. Свою роль сыграл и фактор конъюнктуры. Скептическое отношение к суверенитету формировалось на фоне правления в США демократической партии (1994–2000): интеллектуальный либерализм имел возможность опереться на либерализм политический.

Преобладание либеральной традиции вылилось в развитие двух направлений — исследований «глобального гражданского общества» (*world civil society*)⁷ и проблематики мироправления (*world governance*)⁸. Обрамляющей идеей этого аналитического комплекса стала глобализация, которая

к концу правления Б. Клинтона получила статус полуофициальной внешнеполитической доктрины США. Идея глобализации была достаточно привлекательной и аморфной⁹, чтобы в комплексе возникших на ее основе концепций нашлось место для построений и либералов, и «мягких» реалистов¹⁰.

Симпатии к концепции размягчения суверенитета высказывали представители обоих направлений¹¹. Однако существовала «фигура умолчания» — западные ученые (деликатно или осмотрительно) избегали высказываться о том, применим или неприменим тезис о размягчении суверенитета к Соединенным Штатам Америки. Эта недосказанность определила нежелание исследователей сколько-нибудь ясно высказываться по поводу самого понятия «мировая политика»¹².

Употребление этого термина фактически подразумевало слияние «миров» внешних и внутренних политик разных стран в некой нерасчленяемой сфере «единого мирового политического». Но высказываться в таком духе определенно ученые не стремились. Американцы — потому что улавливали: рассуждения в этом русле неизбежно приведут к выводу о наступлении эпохи мира-империи, «отцентрированного» под США. Откровенничать на эту тему либеральным интеллектуалам было в ту пору неловко.

Западноевропейцы не рвались развивать идею «единого мирового политического» по другим причинам. Они тоже понимали, к какому выводу она их приведет, и не желали казаться апологетами концепции «благожелательной гегемонии США», которая уже в 90-х годах большинству образованных европейцев была неприятна.

В результате, западные коллеги не стали делать выбор в пользу понятийной ясности, а понятие *мировой политики* стало функционировать в профессиональном дискурсе де-факто в роли эвфемизма для обозначения того, что в 2000-х годах в США уже без ложной стыдливости стали называть «американской империей».

Не оказалось на Западе и организационных предпосылок для обособления мировой политики в форме субдисциплины. Более высокая подвижность системы исследований, регулярные смены тематики научных программ и частые перемещения ученых между университетами и исследовательскими центрами этому не способствовали. В итоге в США, Великобритании, Австралии исследования, которые можно определить как мирополитические, развивались преимущественно в рамках анализа проблем глобализации. Именно они и составили на Западе тот круг книг и статей, аналогичные которым в России относятся к числу работ по мировой политике.

Избегая завершенных теоретических построений, зарубежные авторы предпочитали «симптоматический анализ» реальности. Они вычленяли отдельные ее существенные стороны, проводили сравнения с эпохой биполярности, подчеркивали значение одних и отмечали угасание других тенденций. При этом демократизацией и социальными аспектами ситуации больше занимались ученые-либералы, а тематикой мироуправления — умеренные реалисты (Дж. Най, Р. Кохейн, Г. Аллисон, Дж. Доннахью).

Специально теорию на Западе никто не строил. Но из совокупности аналитических работ по глобализации «вычитывались» симптомы-признаки мировой политики: *политический* — демократизация тоталитарных обществ и их «транзит к демократии»¹³, *социальный* — создание «глобального гражданского общества» через демократизацию международной политики и расширение включенности в нее негосударственных акторов, *институционально-инструментальный* — возрастание роли глобального управления за счет усиления роли как универсальных международных организаций (ООН, МВФ, ВТО), так и закрытых международных организаций типа НАТО¹⁴, *идейный* — распространение либеральных ценностей как этико-культурного фундамента будущего мирового гражданского общества.

При этом все школы исследований глобализации¹⁵ строили анализ, исходя из признания победы США (для реалистов) или «демократии» (для либералов) в конфронтации с СССР, расширения возможностей Запада влиять на положение в бывших закрытых странах (за исключением Китая и некоторых других), необходимости использовать «исторический шанс», чтобы на неограниченный срок закрепить в мире преобладание США (для реалистов) и «сообщества развитых демократий» (для либералов). Язык исследований был разным, неодинаковыми были и тонкости оценок. Но западные школы в 90-х годах — интуитивно, а в 2000-х годах более сознательно тяготели к пониманию международных отношений как производных от внутренней политики США, а внутренних дел любых стран мира — как «превращенной сферы» компетенции Вашингтона¹⁶.

Исследователи глобализации перекодировали идею классического труда Х. Булла о мировом обществе как единении избранных — демократических стран — в окружении всех остальных. Ей было придано наступательное, прозелитическое звучание. Демократию предлагалось активно распространять, осваивая новые пространства, рисуя перспективу победы демократии во всемирном масштабе. Мировое общество теоретически расширялось до масштабов планеты, обещая поглотить то, что по Буллу было международным сообществом и состояло не только из демократических, но и всех остальных стран мира.

«Переворачивалось» и разработанное Х. Буллом понимание мирового и международного порядков. В его трактовке мировой порядок понимался более узко, чем международный: он означал порядок только между членами мирового общества. Международный порядок, по Х. Буллу, включал в себя отношения между всеми странами мира — как входящими в избранничество демократических государств, так и остающимися вне его.

В исследованиях глобализации 90-х годов мировой порядок уже трактовался как

всеобщий — в том смысле, как Х. Булл понимал порядок международный. Предполагалось, что де-факто в него включены все страны мира — «хотят они того или нет». Процессы глобализации и доминирование государств «демократического ядра», рассуждали эксперты, вынуждают всех остальных субъектов международных отношений определять свое местоположение относительно разрастающегося «мирового порядка». Значит, все международные акторы так или иначе в него объективно погружены.

Парадоксально, но на почве изначально умеренной и либеральной школы исследований глобализации на Западе стала вырастать гораздо менее либеральная и даже совсем нелиберальная школа сторонников концепции «демократической империи». К середине первого десятилетия XXI в. она фактически заместила собой прежние исследования глобализации.

До конца 90-х годов слово «империя» в США носило негативный оттенок: им, например, называли Советский Союз, подчеркивая его репрессивную сущность. Сегодня американская политология склонна употреблять этот термин нейтрально — так, как он употреблялся в России 10 лет назад авторами либерально-патриотического направления, для обозначения определенного типа политической организации многоэтнического общества. В новой тематической структуре политической науки главное место заняла проблематика применения силы и транснациональных войн. В отличие от предшествовавшего десятилетия глобализация утратила прежде отводимую ей функцию «позитивного знака»: события 11 сентября 2001 г. показали, что глобализация может быть опасна — даже для страны, более других сделавшей для ее распространения. На этом фоне в США сложилось направление анализа современных международных отношений под углом зрения общемировой «демократической империи», которую, как полагают американские политологи, всерьез замыслила построить республиканская администрация.

Исследования «демо-империалистического» направления распадаются на две группы: апологетическую и критическую. Первая, менее многочисленная, строит анализ в воинственном конформистском духе. Относящиеся к ней авторы отбросили романтические иллюзии, характерные для исследователей глобального демократического общества¹⁷, но переняли у них идею саморасширения демократии до всемирных масштабов. В старых схемах они изменили всего два, но главных постулата. Во-первых, инструментом «расширения демократии», по мысли «апологетов», должны быть не «общество демократий», а Соединенные Штаты. Во-вторых, не международные институты, а США должны стать в центр глобального мироуправления¹⁸. Пространство мира стало отождествляться с пространством «естественного» американского лидерства, а идея глобального демократического общества трансформировалась в доктрину тотальной (тоталитарной — по выражению Т.А. Алексеевой, переосмысливающей словоупотребление Якоба Талмона¹⁹) демократии.

Вторая группа — «демо-империалисты-критики» — весьма многочисленна. Она признает тенденцию к формированию «всемирной демократической империи», но не принимает ее. В эту группу входят серьезные международники (С. Браун, Р. Фалк, С. Тэлбот и другие)²⁰. Они считают современную ситуацию благоприятной как для США, так и для дела демократизации мира. Ученые этой группы принимают логику «нахождения внутри единой сферы мирового политического», но считают, что американская администрация неправильно строит политику в современных условиях, слишком много ответственности принимая на себя и слишком мало учитывая интересы других стран, прежде всего союзных Соединенным Штатам²¹. Представители этого направления критически оценивают роль силы в современной международной политике, считая, что наращивание военной и военно-технологической мощи в отрыве от комплексного использования политических мер и сот-

рудничества с другими странами мира не обеспечивает США искомого места в международных отношениях и дезориентирует страну в вопросах обеспечения национальной безопасности²².

Не вдаваясь в тонкости оценок, характерных для аналитических течений 2000-х годов, стоит заметить, что в методологическом отношении исследователи «демо-империализма» сделали немного для разработки проблематики мировой политики. В этом смысле определенный потенциал концептуальной фундаментальности продемонстрировали лишь авторы структурно-реалистической ветви «чистой» теории международных отношений. Их работы содержали методологическое зерно, использование которого как минимум помогало определить место мировой политики в хитросплетении ее отношений с сопряженными дисциплинарными полями.

С начала 90-х годов американские и британские реалисты-структуралисты, «наследники-опровергатели» К. Уолтца, сгруппировавшиеся вокруг Б. Бузана, похоже, сознательно отстранялись от теоретических баталий вокруг анализа глобализации, уступая поле либералам и «мягким» реалистам школы мироправления. Не вступили они в диалог и с обоими течениями исследований «демо-империализма».

Отстраненность от основного течения позволила реалистам-структуралистам сохранить здоровый скептицизм к постулатам как школы глобализации, так и «демо-империалистического» направления. Реалисты-структуралисты не пытались сомневаться в глобализации и не стремились оспорить идею американского превосходства. Они лишь холодно отрицали «революционную», «сакрально-преобразующую» природу первой и подчеркивали преходящий характер второго²³.

Упоенные принадлежностью к «мейн-стриму», исследователи глобального демократического общества стремились подчеркнуть взрывной характер возникновения мирополитического излома начала 90-х годов, тем самым порывая с логикой

и фактологической базой предшествующих этапов развития теории и подрывая обоснованность своих схем.

Реалисты-структуралисты проявляли аналитически бережное, внимательное отношение к предшествующим состояниям международной системы, которое позволяло воспринимать реальность через призму соотношения *новаций и преемственности* в фундаментальных мировых явлениях. Благодаря этому сложнейшие феномены 1990-х и 2000-х годов можно было вписать в контекст долгосрочных тенденций развития.

Правда, подобно исследователям глобализации и «демо-империализма», реалисты-структуралисты не стали заниматься концептуализацией мировой политики. Но их аналитическая позиция объективно подталкивала к необходимости сомкнуть вертикальную (историко-политическую) и горизонтальную (политико-социологическую) призмы анализа в интересах нахождения синтетического понимания мирополитического феномена.

3

Теоретический контекст развития интеллектуальной ситуации в России испытывал сильнейшее влияние процессов, развивающихся на Западе. Он был по своему не менее сложным, но совершенно иным. Исследования глобализации проявили себя в России поздно (не ранее 1997-1998 годов), пережили взлет и стали терять популярность, как и в западных странах, в первые годы нового века. Случайно или закономерно — впервые за полтора десятилетия произошла синхронизация развития научной жизни в России и на Западе.

Однако в России разработки в русле глобализации не замещали мирополитические исследования. Во второй половине 90-х годов в ряде российских университетов были созданы новые структуры, которым было вменено в обязанность заниматься мирополитической проблематикой. «Благодаря» этому мировая политика была буквально «вытолкнута» на положе-

ние протодисциплины. Если на Западе проблематика глобализации растворила мировую политику, то в России она стала частью ее предметного поля. Соответственно, в западных странах падение интереса к глобализации повлекло понижение статуса мирополитической тематики, а в России такой обусловленности не было. Скорее спад популярности глобализационной тематики лишь обострил потребность в методологическом обосновании мирополитического подхода.

При этом отсутствие соответствующих готовых концептов западной науки лишило основания надеяться на их привычное заимствование. Возделывать исследовательское поле предстояло самостоятельно — на базе того, что было по крупицам внесено в российскую науку за предшествующие десять лет, и с учетом отечественных разработок.

За десять лет российский контекст поиска теории мировой политики стал определяться наличием трех групп авторов. Первыми по продуктивности среди них оказались «прагматики». В их круг вошли представители как политико-социологической, так и историко-политической школ, которых интересовала мирополитическая проблематика. Круг авторов никак не коррелировал с их принадлежностью к тем или иным исследовательским центрам, и сами авторы составляли неоднородную группу. Одни осмысливали реальность критически (Н.А. Косолапов, А.Г. Володин, Г.К. Широков, В.Б. Кувалдин, Б.Г. Капустин, покойный А.С. Панарин), другие стремились подойти к ней формалистически-нейтрально (М.А. Чешков, Н.А. Симония, В.Г. Хорос, А.Д. Богатуров), третьи — склонялись к полезности примирения с ней (А.Ю. Мельвиль, М.М. Лебедева, В.Л. Иноземцев, В.В. Михеев, В.М. Кулагин).

По-разному осмысливая новую ситуацию, ученые были едины в интуитивном стремлении найти вариант концептуализации, который, с одной стороны, был бы адекватен действительности, а с другой — не порождал бы стимула «восстать против

нее» или от нее отгородиться. Мысль использовать в этих целях идею мировой политики посредством ее доработки в ключе синтеза основных аналитических подходов родилась на стыке конкурентного сопоставления всех этих взглядов.

Де-факто «прагматикам» противостояло течение «фундаменталистов-охранителей». Оно главным образом (но не исключительно) представлено в публикациях группы отечественной вульгарной геополитики А.Г. Дугина. Подчеркивая свое национал-патриотическое «я», это течение на самом деле испытывает сильнейшее влияние западной («новой» американской и «старой» германской) политологии, но прежде всего — школы вульгарной геополитики З. Бжезинского²⁴. Катастрофическая распространенность книг русской и американской вульгарной геополитики в виде печатных продуктов Дугина и Бжезинского формирует в России (особенно в регионах) интеллектуальную среду, в которой понимание мирополитического подхода, конечно, затруднено.

К публикациям «фундаменталистов-охранителей» примыкают труды профессиональных, но консервативных историков, полагающих возможным анализировать современные международные отношения путем «литературно-редакционного исправления» тех концепций, которыми отечественная наука пользовалась в 40-х — 80-х годах прошлого века. Эти работы представляют собой версии изложений на базе исправлений и сокращений текстов «Истории дипломатии», трех изданий учебника «История международных отношений и внешней политики СССР» и двухтомника «Внешняя политика Советского Союза». Конечно, выход подобных книг был во многом связан с нехваткой серьезных новых трудов по международным отношениям. Но приходится констатировать, что попытки осмыслить международные отношения последних десятилетий таким образом оказались неудачными и в методологическом, и в содержательном отношениях²⁵.

Третью группу авторов составили ученые собственно «историко-политического

корня», которые не отвергали политологию, но чувствовали себя увереннее не на ее методологическом поле, а на платформе либерального «политического историзма». Эта школа обогатила 90-е годы рядом ценных работ. Они выходили в Институте всеобщей истории и Институте российской истории РАН под руководством и при непосредственном участии А.О. Чубарьяна, М.М. Наринского, Л.Н. Нежинского, А.М. Филитова, Н.И. Егоровой, Ар.А. Улуяна²⁶. Книги авторов этого ряда представляли собой важный шаг к нахождению оптимального сочетания классической истории с политической наукой, правда, с акцентом на методологии первой.

Наконец, важно отметить, что на стыке между «прагматиками» и исследователями историко-политического направления работает целая группа ученых, принадлежность которых трудно определить однозначно. Они тяготеют к мирополитическому подходу, но в то же время выпускают работы исторического профиля. В Москве эту группу составляет довольно многочисленный коллектив авторов вышедшей в свет «Системной истории международных отношений в четырех томах» (М.А. Хрусталева, Т.А. Шаклеина, А.Д. Воскресенский, В.И. Батюк, Б.Ф. Мартынов, С.И. Лунев, П.Е. Смирнов, Д.В. Поликанов и др.)²⁷.

В Санкт-Петербурге на сочетание политологического угла зрения с политико-историческим ориентированы преподавание и исследовательский процесс на факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета под руководством К.К. Худодея. Вне факультета в этом же ключе стремятся работать и другие «питерцы» — А.С. Кутейников, С.Л. Ткаченко, Н.А. Ломагин, В.Е. Кузнецов.

Историко-политический и политологический методы успешно совмещают такие серьезные историки, как А.С. Ходнев и В.А. Бабуркин (в Ярославле), Г.Н. Новиков (в Иркутске). В Волгограде в этом же ключе трудно, но в верном направлении

создают школу А.С. Кубышкин, И.И. Курилла и С.В. Голунов.

Более сложное впечатление в методологическом смысле производят довольно многочисленные книги (при этом отмеченные запалом новаторства) факультета международных отношений Нижегородского государственного университета, где на стыке политологии и истории работают Д.Г. Балугин и М.И. Рыхтик — представители «нижегородской плеяды» учеников О.А. Колобова.

За неизвестностью (или отсутствием) обобщающих профильных трудов трудно представить действительное содержание научно-образовательных процессов на факультетах международных отношений в Дальневосточном (Владивосток), Уральском (Екатеринбург) и Томском государственных университетах.

Хотя контекст поиска теории мировой политики определялся наличием трех упомянутых платформ и промежуточной группы ученых, сам этот поиск вела многочисленная группа авторов, при этом интеллектуально между собой почти не связанных. Для всех них вместе построение инструментальной концепции мировой политики не составило бы особого труда. Но они работали порознь, и панорамного видения не получалось. Его не дало и течение политической социологии, лучше других оформленное организационно и первым представившее вариант обобщенного видения предмета²⁸.

Структурно получившаяся схема оказалась вполне жизнеспособной. В содержательном отношении она несла черты чрезмерной увлеченности аргументацией и принципом отбора материала, характерными для зарубежных работ школы глобального гражданского общества. Этот «недостаток», конечно, можно одновременно считать и «достоинством». Благодаря ему российский читатель приобщается к западным аналитическим нормам и получает лучшее представление о роли, которую играют в международных отношениях вопросы формирования личности, политической психологии, внешнеполитического про-

цесса, организации институтов. Еще важнее — присущий мирополитическим работам акцент на свободе, правах личности, морали, культурных особенностях.

В то же время в политико-социологической версии понимания мировой политики было мало интереса к тому, что называется реальной мироцелостностью во всех ее действительных противоречиях, к системным аспектам международных отношений, хитросплетениям практического взаимодействия между государствами. Было заметно «формальное» отношение к понятиям «реалистического» ряда — национальный (государственный) интерес, власть, сила и т.д. Сквозила недооценка необходимости конкретно-событийных привязок заключений к фактуре международной действительности²⁹.

Эмоционально настойчивое желание трактовать мировую политику как феномен, отличный от международных отношений в отсутствие убедительных различий их предметных полей создавало впечатление посягательства на изменение «генетического кода» специальности «международные отношения». Между тем, было очевидно, что чрезмерный уклон науки о международных отношениях в сторону «глубокой социологии» и общеполитического знания мог увести ее от реальности, а это было бы сопряжено с потерей специфических технологий прикладного анализа международных отношений, который остается наиболее востребованным внешнеполитической практикой.

Приводимая аргументация не вполне убеждала. Главным доводом политико-социологического подхода в пользу самостоятельности мировой политики по отношению к международным отношениям был тезис о «смене субъекта». Он опирался на правильное наблюдение, что если прежде субъектами международных отношений выступали исключительно государства, то теперь ими стали и негосударственные акторы, прежде всего транснациональные — ТНК, международные организации, движения, дисперсные сетевые субъекты³⁰ и даже индивиды.

Конечно, тезис об изменении природы субъектности был неопровержимым. Но его и не надо было опровергать, достаточно было усомниться в его новизне, ведь ТНК стали крупнейшими игроками международной политики еще в конце 60-х годов прошлого века, и по крайней мере с середины 80-х годов мысль эта для отечественных публикаций была почти банальной³¹.

Другим ключевым аргументом школы политической социологии была ссылка на «сжатие мира» во времени и пространстве, которое объективно делает события и процессы в одной точке мира все более зависимыми от процессов и событий, происходящих в другой, а государственный суверенитет — все более символическим.

Но скептики принимали значение и этого довода, верно замечая, что первые варианты концепций взаимозависимости в международных отношениях относятся ко времени не позднее конца 50-х годов прошлого века и тоже новаторскими быть названы не могут.

Продуктивной дискуссии не получалось, да ее в академическом смысле просто и не было. Авторы продолжали писать и публиковать работы, предпочитая между собой не встречаться — воспроизводилась характерная для Запада ситуация мозаики. Однако при неокрепшей традиции политической теории в России такой вариант развития интеллектуальной ситуации означал бы лишь дальнейшее ослабление ее потенциала вследствие распыления интеллектуальной энергии.

Альтернативой могло бы стать нахождение синтетической платформы, которая позволила бы органично соединить в единой инструментальной концепции положения, разработанные в рамках разных школ, в том числе между собой и не во всем согласных. Такой подход теоретически мог показаться недостаточно принципиальным. Но для прояснения ситуации и в интересах прикладного анализа только так и следовало поступать. Тем более, что в ключе подобного «синтетического реви-

зионизма» работают многие западные коллеги. Примером тому — выстроенная на стыке историко-политического, институционального и глобализационного подходов аналитическая матрица Дж. Айкен-бери³², вполне продуктивная в анализе международных отношений.

4

Не отказываясь от описаний «симптомов» мировой политики, прекрасно проработанных в западных работах и адекватно отраженных в версиях российской политико-социологической школы, стоит отказаться от попыток с них и начинать обоснование концепции. Во-первых, потому что распыленные симптоматические описания «в духе постмодерна» по определению остаются частными, фрагментарными, вспомогательными и потому нехороши в роли основополагающих тезисов.

Во-вторых, они особенно плохо воспринимаются в качестве таковых в профессиональном сообществе в России. Особенности русской гуманитарной культуры с ее причудливым замесом на немецкой классической философии, органичной тоталитарности сознания «по Бердяеву» и восьмидесятилетней «ленинизации» делают ее восприимчивой скорее к крупным идеям, способным объяснить частности, чем к синтезированию общего из множества неорганизованных деталей.

Следуя логике таким образом понимаемого восприятия в отечественной профессиональной среде, вариант рассуждения о концепции мировой политики уместно представить в виде семи тезисов.

1. *Тезис первый.* Эпистемология. Наиболее убедительной и ясной является мысль о том, что *мировая политика характеризует новое качественное состояние международной среды*, в которой действуют субъекты международного взаимодействия — как традиционные (государства), так и новые (все остальные). Этот тезис можно принять за основополагающий. С одной стороны, ввиду его богатой философской и семантической «нагруженности», с другой — с учетом его понятности для основных

составляющих интеллектуального спектра в России: от либеральных социологов до радикальных марксистов.

Это не значит, что все согласятся с предлагаемым пониманием. Однако это предполагает, что будет сделан шаг к преодолению «методологического кустарничества», и по поводу предлагаемого можно будет по крайней мере повести корректную научную дискуссию в единообразно понимаемых терминологических и методологических рамках. За двадцать лет ни на Западе, ни в России постмодернизм в теории международных отношений ничем не доказал своей аналитической плодотворности, поэтому какой смысл далее держаться приписываемой ему логики и методологических («антиметодологических») установок («антиустановок»)?

Тезис о том, что понятие «мировая политика» воплощает новое качественное состояние международной среды, методологически и эпистемологически имеет для концепции решающее значение, поскольку только он позволяет теоретически корректно уйти от отождествления мировой политики с традиционными международными отношениями эпохи до начала 90-х годов.

Однако при такой постановке вопроса атак со стороны потенциальных оппонентов из рядов историко-политического направления может вообще не последовать. Критикам будет, к примеру, понятно, что тезис о новом качестве международной среды реально «работает»: именно из-за этого нового ее состояния при внешней похожести международных условий (низкая вероятность ядерного конфликта) в 70-х годах, с одной стороны, и затем в 90-х, с другой, сильнее страны мира вели себя по отношению друг к другу совершенно по-разному.

При этом в выстраиваемой схеме находится достойное место для двух тенденций-симптомов («смена субъекта» и «сжатие планеты»), о которых с некоторым жаром пишут авторы школы политической социологии, и с несколько холодным вниманием — исследователи историко-по-

литического корня. Оба эти важных тренда в самом деле способствовали возникновению качественно нового состояния среды. Просто не *они сами по себе передают его специфику*.

2. *Тезис второй.* Параметр нового качества. Специфика новизны определяется тем, что для оценки положения на планете в целом *характеристики состояния международной среды стали и продолжают становиться важнее, чем характеристики поведения отдельных, даже самых сильных акторов* (старых или новых, демократических или авторитарных, национальных или транснациональных). Среда, образно говоря, подобно траве, она начинает «прорастать» сквозь «бетон» сообщества государств, оплетать его, в известной мере сковывая и этом смысле подчиняя себе.

Конечно, очень важно, какая администрация находится у власти в Вашингтоне — напористая и националистическая или умеренная и либеральная. Но *для международных отношений в целом важнее, какой окажется среда, сквозь которую будут преломляться импульсы, исходящие от любой американской власти*.

С мирополитической точки зрения ключевые параметры анализа — это характер эволюции систем вооружений и скорость распространения технологий их производства по миру, показатели транснационализации международной экономики, характеристики всемирного виртуального пространства, включая сферу действия глобальных систем наведения ракет, контуры сферы единообразного понимания морали и права, индикаторы транспортной (и военно-транспортной) проницаемости планеты, характеристики ее экологического состояния, наконец, соотношение всей совокупности земных дел с реальным положением дел в космосе (скрываемом, по счастью, от внимания политических аналитиков).

Приведенный тезис — целиком из арсенала мирополитического анализа. Но его нетрудно и полезно дополнить историко-политическим обоснованием.

Становление мировой политики связано с тенденцией к уплотнению международной среды и повышению ее проницаемости для импульсов влияния, которые участники международного общения посылают друг другу. Среда, присущая международной системе пятьдесят лет назад, была более разреженной, чем сегодня, а государства в ней имели больше свободы действий. На материале международных отношений в Восточной Азии этот феномен был описан в одной из наших работ еще в 1996 году. Но тогда автор считал «открытый им» феномен региональной особенностью, не соотнося его с общемировыми трендами, как стоило бы сделать с теперешних позиций.

Тенденцию к уплотнению международной среды можно проследить на протяжении веков. С одной стороны, она характеризуется нарастанием взаимной обусловленности поведения государств, уменьшением свободы их действий под влиянием самоограничений или ограничений, налагаемых извне, а с другой — ростом подверженности внутренних процессов в отдельных государствах внешним влияниям.

Самоограничения и ограничения могли быть любой природы. В 50-80-х годах прошлого века в Европе это была «блоковая дисциплина». В тот же период в Восточной Азии — страх больших держав спровоцировать «большую войну» и высокая активность малых и средних стран, научившихся, пользуясь этим, иногда навязывать сильным государствам свои варианты решения местных проблем. В 90-х годах универсальным инструментом уплотнения среды стало нарастание ее финансово-экономико-информационной однородности.

3. *Тезис третий.* Гносеология. Можно сказать, что глобализация и обозначала процесс уплотнения международной среды. Но можно этого не делать, продолжая считать ее «особым» явлением. Важно иное. Глобализация не только прекрасно вписывается в понимание, присущее историко-политической школе, она вписывается в нее даже органичнее, чем в логи-

ку мирополитического направления. По определению глобализация — не что иное, как *процесс* становления нового качества международной среды, а мировая политика — его *результат*. Вот почему глобализацию убедительнее всего представить как инструмент преобразования традиционных международных отношений в мировую политику. Так снова обеспечивается совместимость научных интересов и аналитических подходов обеих школ — историко-политической и политико-социальной.

Следовательно, с гносеологической точки зрения *мировая политика в известном смысле — не что иное, как современный этап развития того, что мы привыкли называть системой международных отношений*, подразумевая под ними преимущественно отношения между государствами. Выявляется, таким образом, гносеологическое родство мировой политики и международных отношений, хотя, конечно, первая со временем приобрела для себя существенно иное поле изучения. Об этом будет сказано дальше.

4. *Тезис четвертый.* Различение объектов. В цельном виде определения мировой политики ни в западных, ни в отечественных публикациях встретить не удалось. Между тем, найти определение — как раз и значит освободить мировую политику от зависимости, которая ее окружает в семье международников-традиционалистов. Поскольку поиск определения неизбежно идет в контексте сопоставления мировой политики и международных отношений, уместно прежде провести «инвентаризацию» отличий объекта изучения мировой политики, с одной стороны, и традиционной науки о международных отношениях, с другой.

В традиционных международных отношениях согласно принципу суверенитета государства и невмешательства во внутренние дела существовало жесткое разделение между внешней и внутренней политиками государств. С правовой точки зрения объектом взаимодействия стран являлись (почти) исключительно вопро-

сы их поведения в отношении друг друга, но не в отношении собственных граждан (подданных). Взаимодействие между субъектами международных отношений, таким образом, происходило по внешнему контуру, «по касательной». Поэтому объектом изучения традиционной науки о международных отношениях была сфера взаимодействия внешних политик отдельных государств.

В 60-х годах прошлого века в этом смысле кое-что изменилось. Благодаря экспансии системного подхода в исследованиях утвердился постулат о несводимости свойств международных отношений в целом к сумме внешних политик отдельных стран. Соответственно, объектом изучения науки стали не только совокупность непосредственных взаимодействий внешних политик государств, но и закономерности развития всей миросистемной целостности, которая, как следовало из системной логики, обладает определенной автономией свойств по отношению к совокупности внешних политик стран мира. Кроме того, составной частью объекта исследования стали так называемые общие (или глобальные) проблемы международных отношений — контроль над вооружениями, энергоснабжение, преодоление отсталости бывших колоний, вопросы культурного обмена, оказание гуманитарной помощи и т.п.

Таким образом, *объектом изучения науки о международных отношениях к началу 90-х годов считались, во-первых, политические отношения между традиционными и новыми субъектами международного общения по поводу их действий в отношении друг друга, во-вторых, межсубъектные взаимодействия по поводу решения общемировых проблем, в-третьих, автономные свойства системы международных отношений в целом (качества общесистемного уровня).*

Возникновение новой международно-политической реальности в 90-х годах привело к тому, что резко изменилось содержание общения между субъектами в международной системе. Не только новые субъекты общения, но и государства стали

регулярно вступать в разноплановое взаимодействие между собой по поводу действий не только в отношении друг друга, но и своих внутривнутриполитических проблем. Более того, эта практика постепенно приобретала моральную, а затем частично и политическую легитимность.

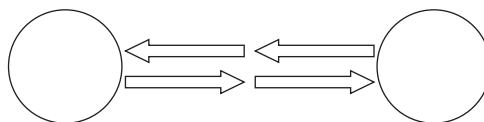
Конечно, можно возразить, резонно заметив, что попытки одних стран давать оценки внутренним процессам, имеющим место в других, оказывать на них влияние и даже прямо вмешиваться во внутренние дела зарубежных государств происходили «чуть ли не века». В самом деле это так, но со времен вестфальских установлений вмешательство во внутренние дела все равно «в норме» считалось «незаконным» и допускалось как некое исключение, временное отступление от правил. Именно в этом смысле международная среда 90-х годов принесла радикальные перемены: вмешательство в дела других стран стало представляться как новая норма поведения — правило, которое с полной серьезностью стало претендовать на роль универсального, к тому же подкрепленного мощной военной силой такой организации, как НАТО. Почти все 90-е годы прошли под знаком легитимизации того, что с точки зрения вестфальских норм было ни чем иным, как нелегитимным вторжением в сферу исключительной внутренней компетенции суверенного государства. Суверенитет как принцип стал открыто, систематически, в широких масштабах подвергаться сомнению на практике только в 90-х годах. И именно тогда он стал получать, хотя и не полное, но все же довольно широкое международное политико-правовое обоснование³³.

В 1992 г. руководители Российской Федерации и США подписали знаменитые Кэмп-Дэвидскую декларацию и Вашингтонскую хартию российско-американского партнерства и дружбы — дотоле немислимые документы, значительные части которых представляли собой развернутые обязательства российской стороны проводить внутреннюю политику в соответствии с новыми политическими принципа-

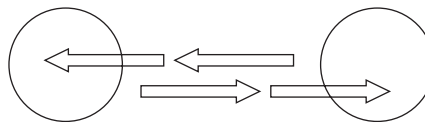
ми (демократии и гарантии прав человека), сотрудничая в этих вопросах с США и другими зарубежными партнерами. Значимо было не то, что предметом обсуждения сторон стали вопросы внутренней жизни России (в неофициальном порядке подобные обсуждения происходили на советско-американских встречах не один раз), а то, что Москва де-факто признала подобную практику нормой международного общения.

Таким образом, *наряду со сферой чисто внешнеполитического взаимодействия, объектом дипломатических переговоров стала внутренняя политика государств*. Если прежде международные отношения представляли собой взаимодействие по «внешнему контуру» отношений, то в 90-х годах оно становилось взаимодействием «на всю глубину» политики государств. Методологически это и было «водоразделом».

Разом и радикально изменился предмет международного взаимодействия. Фактически родился новый объект изучения, значит, могла родиться и новая отрасль знания. Она и стала формироваться. Применительно к российской ситуации рождение науки о мировой политике можно датировать 1993 годом.

а) Взаимодействие акторов в традиционных международных отношениях. Импульсы взаимного влияния тормозятся на «внешнем контуре» отношений (взаимодействие внешних политик)

б) Взаимодействие акторов в мировой политике. Импульсы влияния беспрепятственно распространяются «по всей толще» внешней и внутренней политик субъектов

Рисунок 1. Графическое представление взаимодействия субъектов в традиционных международных отношениях (а) и в мировой политике (б).

5. *Тезис пятый.* Определение. Таким образом, если традиционные международные отношения — это преимущественно отношения между государствами по поводу их политики в отношении друг друга и общемировых проблем, то *мировая политика — это сфера нерасчлененного взаимодействия между субъектами международных отношений по поводу как их действий в отношении друг друга и решения общемировых проблем, так и политики каждого из них в отношении собственных внутренних проблем и ситуаций.*

При таком прочтении перестает казаться аномалией и «зависать» вне рациональных теоретических обоснований феномен гуманитарных интервенций. Они предстают как специфический метод регулирования, характерный и стремящийся стать универсальной нормой именно на этапе перерастания традиционных международных отношений в мирополитические.

Очевидно, что предмет исследования мировой политики гораздо обширнее, разнороднее и сложнее, чем тот, которым занимаются традиционные международные отношения. Но не означает ли это, что мировая политика, развившись в полномасштабную дисциплину, «поглотит» международные отношения? Вряд ли стоит полностью исключать такую перспективу. Вместе с тем ее убедительность вовсе не бесспорна. Она может зависеть от важных и трудно просчитываемых обстоятельств.

Главным из них пока представляется возникновение наряду с тенденцией к «преодолению суверенитета» своего рода контртенденции к его консолидации. Идея отмирания суверенитета, пассивно принятая было российской властью в 1990-х годах, в начале 2000-х стала ею активно отвергаться. После американо-британской оккупации Ирака в 2003 г. президент В. Путин сделал по этому поводу ряд совершенно определенных заявлений в отрицательном смысле. Надо отметить, что такая позиция разделяется довольно большим кругом государств. Значит, слияние сфер внешней и внутренней полити-

ки государств вряд ли приобретет характер необоримой всеобщей тенденции, хотя оно будет характерным для отношений в довольно большом и, вероятно, возрастающем секторе политических отношений на планете.

Похоже, что в обозримой перспективе «отпочковавшаяся» от науки о международных отношениях мировая политика продолжит развиваться как близкородственная им субдисциплина, связанная и отчасти зависящая от традиционной науки о международных отношениях как в предмете исследования, так и (что существеннее) в методологии проверки достоверности постулатов.

6. *Тезис шестой.* Верификация. Скажем прямо, и традиционная наука о международных отношениях, и мировая политика в этом смысле уязвимы для критики. И все же в этом смысле «старая школа» международных отношений при всех ее слабостях (консерватизм, предубеждение в отношении социологических школ анализа) обладает преимуществом.

Политическая социология, в значительной мере воспитавшая мирополитические исследования, инструмент проверки своих выводов имеет. Им служат опросы — своего рода замеры состояния политической среды. Если таковые проведены корректно, они способны более или менее достоверно подтвердить или опровергнуть аналитические заключения.

Старая историко-политическая наука о международных отношениях школы МГИМО-ИМЭМО использует в качестве инструмента верификации метод ретроспективного сопоставления. Он менее надежен, чем тот, которым может пользоваться социология. Но этот метод все же позволяет судить о правильности или неправильности выводов исследователей, хотя и по прошествии длительного времени. Ввиду этого систематически (минимум раз в 15 лет) возникает потребность в переосмыслении характера и направленности международных тенденций.

Мировая политика в ее нынешнем виде и состоянии, тем более работая в рам-

Таблица 1. Предметы исследования международных отношений и мировой политики

<i>Международные отношения</i>	<i>Мировая политика</i>	<i>Предметы «общей компетенции»</i>
Историко-политические аспекты МО	Социологические и политико-психологические аспекты МО	Философия и теория международных отношений
Контроль над вооружениями, вопросы распространения	Контроль над деятельностью международных криминальных сетей	Международные переговоры о борьбе с деятельностью криминальных сетей
Жесткая безопасность (<i>Hard security</i>)	Мягкая безопасность (<i>Soft Security</i>)	Внутренняя безопасность (<i>Homeland Security</i>) от транснациональных угроз
Межправительственные организации формального типа (ООН, НАТО, ОДКБ)	Международные организации неформального, в т.ч. сетевого типа («сетевой» антиглобализм, «Международная амнистия», «Гринпис»)	Международные организации переходного и смешанного типа («группа восьми»)
Межстрановая интеграция	Интегристские движения и НПО	Трансграничное сотрудничество всех форм
Межстрановое экологическое сотрудничество	Экологические движения	Экохолизм во всех проявлениях
Роль государств и межгосударственных организаций в разрешении конфликтов	Роль ТНК в вопросах развития	Глобальные аспекты проблемы разрыва в развитии
Унификация международных стандартов прав человека	Сравнительное правозащитное право (<i>Comparative Human Rights Law</i>)	Кодификация деятельности международных правозащитных институтов

ках своего предметного поля изолированно от науки о международных отношениях, *не имеет механизма верификации во все*. Она практически не может пользоваться инструментарием социологов, чтобы проводить замеры состояния мирополитической среды в планетарном масштабе, но одновременно пропитана скепсисом по отношению к историко-политической школе.

7. *Тезис седьмой*. Предметный уровень. Если на уровне объектов исследования обеих дисциплин провести границу между ними относительно легко, то жестко «развести» их на уровне предметов исследования — сложнее.

Не повторяя устаревшие за минувшие годы предметные перечни ГОСТа Минобразования, представим в виде таблицы картину новых предметов «исключительного ведения» международных отношений и мировой политики, а также сферу их совместного предметного ведения.

Таблицу легко развернуть и в более пространную. Но даже приведенные сопоставления несомненно убеждают, с одной

стороны, в наличии разных, уже кое в чем высокоспециализированных предметных полей у международных отношений и мировой политики, с другой — в очевидной взаимосвязанности и взаимозависимости предметов их ведения.

Вот почему оптимальным вариантом взаимоотношений науки о международных отношениях и мировой политики видится их равноположенное развитие как сопредельных субдисциплин в будущем и школ анализа сегодня. Каждое из ответвлений знания обладает своими несомненными преимуществами и очевидными слабостями.

Состоится или не состоится демо-империалистический мир, государства в лице всех его ведущих членов от США и Франции до Китая и России не собираются сдавать в нем свои позиции. Напротив, всемирная угроза сетевого терроризма и коррупция транснациональных финансовых сетей, отравленных наркоденьгами, могут самым неожиданным образом создать в мире стимул к союзу всех государств против всех криминализированных трансгосу-

дарственных сетевых субъектов, что вряд ли поведет к ослаблению «государстоцентризма» в международной системе. Это побуждает одновременно внимательнее и спокойнее относиться к трактовке перспектив развития, помимо прочего, и теории международных отношений.

Борения по проблематике мировой политики в России — отечественный феномен, связанный как относительной малочисленностью сообщества международныхников, так и с его излишней политизированностью. Мировая политика как субдисциплина пока что больше утверждается через ГОСТы Министерства образования, чем через диалог мнений и серьезные научные труды, попытки применения которых для целей прикладного анализа сами по себе убедили бы массу читателей в бесспорности одних и несостоятельности других теоретических аргументов. Сложившаяся ситуация есть знак незавершенности становления школы исследований по теории международных отношений в России. Ускорить этот процесс — одна из задач этого рассуждения, которое его автор видит как не последнее, а второе слово в обсуждении, которое с выходом первой русской книги о мировой политике неформально началось, наконец, в нашей науке.

Примечания

¹ Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003. Ряд важных положений мирополитического подхода развиты в исключительно удачной коллективной работе «Категории политической науки», выполненной под руководством А.Ю. Мельвиля (М., 2002).

² Тюлин И.Г. Исследования международных отношений в России: вчера, сегодня, завтра // Космополис. Альманах. М., 1997. С. 18–28.

³ Цыганков А., Цыганков П. Теория международных отношений в России: отчего не спешат появляться школы? // Международные процессы. 2003. № 3.

⁴ Этой теме была посвящена статья А.Д. Богатурова «Десять лет парадигмы освоения» в журна-

ле «Pro et Contra» (2000. № 1), которая вылилась в дискуссию на страницах журнала, продолжавшуюся около двух лет.

⁵ Krasner S. Sovereignty. Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999; Hobson J. The State and International Relations. Cambridge — New York: Cambridge University Press, 2001; The New Agenda for International Relations / S. Lawson (ed.). Malden, MA: Polity, 2002.

⁶ Одна из работ этого направления настолько поразила российское сообщество международныхников, что стала основой для программ нескольких международных конференций, статей и даже глав в учебниках. Речь идет о книге «Beyond Westphalia. A State Sovereignty and International Intervention» (G. Lyons and M. Mastanduno (eds)). Baltimore — London: Johns Hopkins University Press, 1995).

⁷ The Rise of Neoliberalism and Institutional Analysis / J. Campbell and O. Pedersen (eds). Princeton: Princeton University Press, 2001.

⁸ Shaw M. Theory of Global State. Globalization as an Unfinished Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

⁹ Governance in a Globalizing World / J. Nye and J. Donahue (eds). Washington: Brookings Institution Press, 2000; Irie A. Global Community. The Role of International Organizations in the Making of the Contemporary World. Berkeley: University of California Press, 2002.

¹⁰ Globalization and Human Rights / A. Brysk (ed.). Berkeley: [б.и.], 2002.

¹¹ Faulks K. Political Sociology. Critical Introduction. New York: New York University Press, 1999.

¹² International Order and the Future of World Politics / T.V. Paul and J. Hall (eds). Cambridge — New York: Cambridge University Press, 1999.

¹³ В России проблематику транзитологии разрабатывал прежде всего А.Ю. Мельвиль. См.: Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М. 1999, а также Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е. Демократия и демократизация // Полис. 1996. № 5. Со взглядами транзитологов дискутировал Б.Г. Капустин. См.: Капустин Б.Г. Конец транзитологии? // Полис. 2001. № 4. С. 6–9; и его же: Посткоммунизм как постсовременность // Полис. 2001. № 5. С. 23–24.

¹⁴ Governance in a Globalizing World.

¹⁵ В 2000-х годах очевиден спад волны политологических штудий по глобализации. Тематика глобализации уходит (или возвращается) в сфе-

ру экономических исследований, где ей, строго говоря, и полагалось находиться. Заметней стал критический настрой в отношении глобализации как явления. См., например: *James H. The End of Globalization. Lessons from the Great Depression*. Cambridge: The Harvard University Press, 2001.

¹⁶ *Camerton F. US Foreign Policy after the Cold War. Global Hegemon or Reluctant Sheriff*. London – New York: Routhledge, 2002.

¹⁷ *Lawson S. International Relations*. Cambridge: Polity, 2003.

¹⁸ *Art R. A Grand Strategy for America*. Ithaca – London: Cornell University Press, 2003. Ср.: *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 253–265.

¹⁹ *Talmon J.L. The Origins of Totalitarian Democracy*. London: Secker and Wartburb, 1955.

²⁰ *Brown S. The Illusion of Control. Force and Foreign Policy in the Twenty-First Century*. Washington: The Brookings Institution Press, 2003; *Falk R. The Great Terror War*. New York: The Olive Branch Press, 2003.

²¹ Ср. также: *Daalder I. and Lindsay J. America Unbound. The Bush Revolution in Foreign Policy*. Washington: Brookings Institution Press, 2003.

²² *Byman D. and Waxman M. The Dynamics of Coercion. American Foreign Policy and the Limits of Military Might*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

²³ *Donnelly J. Realism and International Relations*. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 2003; *Buzan B., Jhnes C. and Little R. The Logic of Anarchy. Neorealism to Structural Realism*. New York: Columbia University Press, 1993.

²⁴ *Дугин А. Основы геополитики*. М., 2000; *Бжезинский З. Великая шахматная доска*. М., 1999.

Вульгарных геополитиков-публицистов необходимо отличать от респектабельного течения геополитиков академического направления (Николай Мироненко, Владимир Колосов, Николай Замятин, отчасти даже Михаил Ильин), к которым примыкает талантливый писатель геополитической темы Вадим Цымбурский.

²⁵ *Протопопов А.С. и др. История международных отношений и внешней политики России (1648–*

2000). М., 2001; *Иванова И.И. История международных отношений от античности до конца первой мировой войны*. Учебное пособие. Часть 1. Владивосток, 2001.

²⁶ *Наринский М.М. История международных отношений*. (1945–1975). М., 2004; Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение / Отв. ред. Л.А. Нежинский. М., 1995; «Холодная война»: новые подходы, новые документы / Отв. ред. М.М. Наринский. М. 1995; *Чубарьян А.О.* Новая история «холодной войны» // Новая и новейшая история. 1997. № 6; Сталинское десятилетие «холодной войны» / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян, И.В. Гайдук. М., 1999; *Злобин А.А., Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю.* Программа учебного курса «История международных отношений и внешней политики России (1648–1945)». М., 2000.

²⁷ Из печати вышли, наконец, заключительные книги подготовленного Научно-образовательным форумом по международным отношениям четырехтомника «Системная история международных отношений», который правомерно рассматривать как первый отечественный опыт политологического осмысления предмета исследования традиционной историко-политической дисциплины. См.: Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. События и документы. Т. 1, 2. М.: Московский рабочий, 2000; Т. 3. М.: НОФМО, 2003; Т. 4. М.: НОФМО, 2004.

²⁸ *Лебедева М.М.* Указ. соч.

²⁹ *Цыганков П.А.* Политология и наука о международных отношениях: проблема разграничения предметных полей // Социально-политический журнал. 1995. № 5. С. 57–65.

³⁰ *Networks and Netwars* / H. Arquilla and D. Ronfeld (eds). Santa Monica: Rand, 2001.

³¹ Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В.И. Гантман. М., Наука, 1984.

³² *Ikenberry J. After Victory. Institutions, Strategic Restraints and the Rebuilding of Order After Major Wars*. Princeton, 2001.

³³ Подробнее см.: *Богатуров А.* Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. № 1.